

ДИНАМИКА ДУШЕВОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНОВЫХ И КАРТОФЕЛЯ В ГУБЕРНИЯХ ПОВОЛЖЬЯ В 1883–1913 гг.: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблемным контекстом работы выступает дискуссия об уровне, направлении и темпах аграрного развития Российской империи в конце XIX – начале XX в. Целью работы является расчет ежегодных значений производства зерна и картофеля на душу населения по каждой из губерний Поволжского региона и в среднем по Европейской России и анализ динамики этого показателя с 1883 по 1913 г.

Материалы и методы. Основным источником является статистика урожаев Центрального статистического комитета. Используются показатели валового сбора ржи, пшеницы, овса, ячменя, полбы, гречихи, проса, гороха, кукурузы и картофеля. Все урожаи выражены в пудах. Картофель суммирован с зерновыми с пересчетом в пропорции 4:1. Данные о ежегодной численности населения заимствованы из ретроспективного расчета, сделанного в 1927 г. демографом В. Зайцевым. В ареал исследования включены десять губерний: Астраханская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тверская, Ярославская. Анализ динамики проведен по годовым и средним многолетним значениям. Губернии хлебопроизводящие и хлебопотребляющие рассматриваются отдельно.

Результаты. Анализ показал существенные различия между губерниями по уровню и динамике изучаемого показателя. Позитивную динамику производства зерна на душу населения имели Самарская и Астраханская губернии. Тенденцию к снижению демонстрировали губернии Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и Симбирская. Траектории Казанской, Саратовской и Пензенской губерний имели характер волновых колебаний. Уровень душевого производства выше среднего по Европейской России сохраняли Пензенская, Симбирская, Саратовская губернии, ниже среднероссийского – Астраханская, Тверская, Ярославская, Костромская и Нижегородская. Самарская губерния от уровня близкого к среднероссийскому перешла в процессе развития к значительно более высокому, Казанская губерния сократила производство до уровня ниже среднего.

Выводы. Повышающий тренд производства хлебов и картофеля на душу населения в России в целом включает в себя разнонаправленные тенденции в разных губерниях, относившихся к различным природно-географическим и экономическим типам. Перспектива дальнейших исследований видится в том, чтобы выяснить, в какой мере в регионах сокращения душевого производства зерна происходила структурная перестройка сельского хозяйства и диверсификация доходов крестьян.

Ключевые слова: аграрная история, урожайная статистика, статистика населения, Поволжье.

THE DYNAMICS OF PER CAPITA GRAIN CROPS FARMING IN VOLGA REGIONS IN 1883–1913: SOURCES AND STUDY ISSUES

Abstract.

Background. The problematic context of the research is the discussion about the level, direction and pace of agricultural development of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. The purpose of the article is to calculate the annual values of grain and potato production per capita in each of the Volga region provinces and on average in European Russia, and to analyze the dynamics of this indicator from 1883 to 1913.

Materials and methods. The main source for the study is crops farming statistics of the Central Statistical Committee. The indicators of gross harvest of rye, wheat, oats, barley, spelt, buckwheat, millet, peas, corn and potatoes were used. All data are calculated in ponds. Potatoes are summed with cereals in a 4:1 ratio. The data on the annual population are used on the basis of the calculation made by a demographer V. Zaitsev in 1927. The geographical scope of the study covers 10 provinces: Astrakhan, Kazan, Kostroma, Nizhny Novgorod, Penza, Samara, Saratov, Simbirsk, Tver, Yaroslavl. The analysis of the dynamics is carried out by annual and average multi-year values. The net-importing and net-exporting provinces are treated separately.

Results. The analysis showed significant differences between the provinces in the level and dynamics of the studied indicator. Samara and Astrakhan provinces had positive dynamics of grain production per capita. Tver, Yaroslavl, Kostroma, Nizhny Novgorod and Simbirsk provinces showed a deteriorating tendency. The provinces of Kazan, Saratov and Penza showed undulating fluctuations. The level of per capita production above the average in European Russia remained in Penza, Simbirsk, Saratov provinces, below the average Russian – Astrakhan, Tver, Yaroslavl, Kostroma and Nizhny Novgorod. Samara province from the level close to the average Russian developed to a much higher one, Kazan province – reduced production to a below average one.

Conclusions. The increasing trend of bread and potato production per capita in Russia as a whole includes multidirectional trends in the provinces, which belong to different natural-geographical and economic types. The prospect of further research is to find out to what extent the restructuring of agriculture and diversification of farmers' incomes took place in the regions of reduction of per capita grain production.

Keywords: agrarian history, crop statistics, population statistics, Volga region.

Введение

Вопрос об уровне, направлении и темпах аграрного развития России в конце XIX – начале XX в. имеет давнюю традицию изучения, однако остается дискуссионным в историографии. Показатели зернового производства изучены лучше многих других аспектов. В частности, исследователи, анализирувавшие урожайную статистику Центрального статистического комитета (ЦСК) на всем протяжении ее существования (1883–1915), неоднократно отмечали позитивную динамику валовых и чистых сборов, посевных площадей и урожайности по 50 губерниям Европейской России [1–3]. Изучались также тенденции смещения зернового производства из центральных районов на южные и восточные окраины [4, 5]. При этом обращалось внимание на сильные годовые колебания урожайности и на отставание российского

земледелия от уровня производительности западноевропейских стран. Современная историко-экономическая литература делает акцент либо на высоких темпах роста российской аграрной экономики до Первой мировой войны [6, 7], либо на ее отсталости и противоречиях [8], оперируя главным образом общероссийскими показателями или стремясь подытожить исследование в общероссийских среднестатистических показателях. Перспектива дальнейшего изучения видится в перенесении внимания с общероссийского уровня на уровень регионов и губерний, динамика которых могла сильно различаться, поскольку они демонстрировали разные модели экономического развития и испытывали воздействие взаимной конкуренции [9]. При этом важно сохранять общероссийский и общеисторический контекст, которого зачастую недостает региональным и локальным исследованиям. Понимание этой задачи присутствует, по-видимому, у всех историков-аграрников, но практика пока отстает от сформулированного запроса.

Предметом данной статьи является один из важнейших показателей аграрного развития – производство хлебов на душу населения. Факт некоторого роста душевого производства зерна в целом по России в указанный период не вызывает сомнений у историков. Имеются расчеты чистого сбора продовольственных хлебов на душу населения по губерниям Европейской России, представленные в работе А. В. Островского [8, с. 250]. Однако целью его работы был не столько анализ динамики этого показателя, сколько выяснение обеспеченности населения продовольствием, исходя из единой нормы потребления 18 пудов на человека в год. При этом абсолютные значения урожайной статистики принимались им как достоверные, овес и картофель исключались из рассмотрения, доля семян в валовых сборах была определена расчетно, а полученные данные усреднены по четырем пятилетним отрезкам с 1896 по 1915 г. В работах других авторов, затрагивавших данный сюжет, цифры душевого производства для отдельных лет, периодов и регионов использовались, как правило, иллюстративно и не становились предметом специального анализа.

Задача данной работы видится в том, чтобы рассчитать ежегодные значения валового производства всех зерновых и картофеля на душу населения в среднем по Европейской России и по каждой из губерний Поволжского региона по статистике ЦСК с 1883 по 1913 г. и проанализировать динамику этого показателя. Территориальные рамки охватывают Поволжье в широком смысле, включая все губернии, расположенные вдоль течения Волги, а также Пензенскую. Всего взято десять губерний: Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Астраханская. Таким образом, в рамках большого Поволжья объединены регионы севера и юга, Нечерноземья и Черноземья, старой и новой земледельческой колонизации, моно- и многонациональные, что подразумевает разнообразие региональных особенностей развития.

Источники и методы

Источником для данной работы послужили ежегодники ЦСК «Урожай... года» за 1883–1913 гг.¹ Из них был взят только один показатель – ва-

¹ В работе по сбору урожайных данных большое участие принимала И. В. Шильникова, которой автор статьи выражает признательность за предоставленные в его распоряжение материалы.

ловой сбор (в пудах). Культуры, вошедшие в подсчет, следующие: рожь (озимая и яровая), пшеница (озимая и яровая), овес, ячмень (яровой), полба, гречиха, просо, горох, кукуруза, картофель. Их сборы суммировались, картофель для сопоставимости с зерновыми пересчитан 4:1. Не вошли в подсчеты бобы, фасоль и чечевица, не имевшие большого значения в полевом земледелии, но имевшие большие погрешности в статистическом учете.

В историографии имеется возражение против обозначенных хронологических рамок. С. А. Нефедовым высказано мнение, что данные урожайной статистики 1883–1893 гг. несопоставимы с позднейшими, так как в 1893 г. в методике ЦСК произошло некое изменение, приведшее к одномоментному повышению урожайности на 10 % [10, с. 16]. Это утверждение базируется на одном неясном примечании, которое мимоходом сделал Д. Н. Иванцов в своем исследовании об урожайной статистике со ссылкой на приватный разговор с неназванным чиновником ЦСК [11, с. 75]. При этом сам Иванцов использовал данные с 1885 г., а период, к которому относится десятипроцентное повышение, им не был назван. Обращение к источнику – изданиям «Урожай... года» – показывает, что никакого скачка, по крайней мере при переходе от 1893 к 1894 г., не наблюдается: урожайность четырех основных хлебов по 50 губерниям Европейской России увеличилась на 2,6 %, их посевные площади – на 0,9 %, валовой сбор – на 3,6 %, валовой сбор всех 11 учтенных зерновых культур по 65 губерниям увеличился лишь на 0,9 %. Урожай зерновых в 1895 г. уменьшился, составив по 50 губерниям лишь 90,3 % от урожая 1894 г. [12]. Все это укладывается в обычные годовые колебания, и возражение С. А. Нефедова не представляется обоснованным.

Отсутствие в нашей урожайной статистике до 1892 г. ежегодных сведений о посевных площадях (в течение ряда первых лет ЦСК использовал площади 1881 г., затем 1887 г.) является непреодолимым недостатком источника и принимается автором статьи как допустимая статистическая условность. Вопрос о степени достоверности абсолютных значений урожаев ЦСК в данной статье не ставится, поскольку предметом является динамика. В историографии сложился консенсус по поводу того, что урожайная статистика достаточно правильно отражает тенденции изменения своих показателей на длительных хронологических отрезках. Вместе с тем и при анализе динамики, конечно, всегда следует иметь в виду, что некоторая часть наблюдаемых изменений может относиться на счет изменения качества статистики, а не действительных сдвигов в развитии хозяйства.

Объективной трудностью при работе с урожайной статистикой ЦСК является то, что до 1894 г. показатели в ней давались в четвертях, а с 1895 г. – в пудах. Вес четверти в пудах указывался в тех же изданиях лишь с 1888 г. Перевод из четвертей в пуды сделан автором статьи следующим образом: за 1888–1894 гг. – по соответствующему весу четверти каждой культуры для каждой губернии по ежегодным данным того же источника, за 1883–1887 гг. – по среднему весу четверти, подсчитанному для пятилетия 1888–1892 гг.

Более важной проблемой является отсутствие официальной и общепризнанной ежегодной статистики населения по губерниям до переписи 1897 г. В специальных изданиях ЦСК публиковались лишь ежегодные данные по движению населения. Имеются также данные текущего полицейского учета населения по губерниям за 1883, 1885, 1886, 1890, 1896 г., причем за 1885 и

1890 г. они были опубликованы в «Урожае 1892 года». Начиная с «Урожая 1894 года» в этом издании ежегодно публиковались данные о численности сельского населения по губерниям, а с 1900 г. – данные об общей численности населения в губернии. Урожайная статистика выводила по ним свои подушные показатели, которые публиковались там же. Может возникнуть вопрос, почему бы не заимствовать уже рассчитанные ЦСК цифры душевого производства, если они имеются в источнике? Использовать эти цифры некорректно, потому что, во-первых, население до переписи и после исчислялось ЦСК на разных основаниях; во-вторых, до 1900 г. душевые показатели считались на сельское население, после – на общее. Кроме того, при подведении общероссийских итогов душевого сбора ЦСК некоторое время приводил разные культуры к общей норме питательности, используя специальные коэффициенты, но с 1905 г. отказался от этого метода. Поэтому, чтобы построить единые динамические ряды душевого производства, следует сначала получить ряды ежегодной численности населения, построенные на единой основе за весь период.

Основная проблема демографической статистики давно известна в литературе: данные полицейского учета в целом преувеличивали численность населения [13, 14]. Поэтому ретроспективные расчеты на основе переписи 1897 г. и ежегодного движения населения дают за каждый предшествующий год меньшие цифры, чем показатели текущего учета. То же относится к периоду после переписи, поскольку по мере удаления от 1897 г. снова накапливались ошибки. При переходе с общероссийского на губернский уровень процент расхождений между расчетными и текущими данными по разным губерниям может сильно различаться, причем как в ту, так и в другую сторону, и не поддается ни однозначному объяснению, ни корректировке. Принимая во внимание все это, а также то, что и перепись, и учет движения населения тоже имели свои погрешности, представляется все же, что реконструкция ежегодной численности населения губерний на базе переписи и движения населения дает более адекватные значения, чем сведения текущего полицейского учета. К такому выводу склонялось большинство исследователей.

В настоящей работе использована реконструкция ежегодной погубернской численности населения, проделанная демографом В. Зайцевым в 1920-е гг. на основе переписи 1897 г. [15]. Его цифры давались с округлением до тысяч, что не столь важно, учитывая принципиальную неточность абсолютных значений. Важно, что помимо естественного движения населения В. Зайцевым учитывались также данные о переселениях в Азиатскую часть страны и была скорректирована численность населения Московской и Петербургской губерний по соответствующим городским переписям. Ряд опечаток, обнаруженных в его таблицах, были исправлены автором статьи при расчетах. Проведенное Зайцевым разделение населения на городское и сельское следует признать чересчур грубым, поэтому в данной работе использован лишь показатель общей численности населения в губернии.

В связи с этим проявляется специфика Астраханской губернии, значительную часть населения которой составляли кочевники, и их включение в расчет сильно занижает среднедушевое производство зерна. Согласно переписи 1897 г., доля занятых в земледелии в Астраханской губернии составляла лишь 30,3 % населения, однако и в других губерниях более или менее значи-

тельная часть населения была не связана с зерновым производством, и у автора статьи нет статистики, позволяющей оценить динамику этого показателя. Поскольку целью работы не ставится вычисление производительности труда в земледелии, этим обстоятельством решено пренебречь.

Таким образом, размер душевого производства для каждой губернии рассчитывался автором статьи путем деления суммы валовых сборов хлебов и картофеля (по данным ЦСК) на численность общего населения губернии соответствующего года (по данным В. Зайцева).

Результаты расчетов по годам и губерниям Поволжья, а также в среднем по Европейской России приведены в табл. 1.

Таблица 1

Производство зерновых и картофеля (в пересчете на зерно 4:1) на душу населения в губерниях Поволжья и в среднем по Европейской России в 1883–1913 гг. (в пудах)

Годы	50 губерний	Астраханская	Казанская	Костромская	Нижегородская	Пензенская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Тверская	Ярославская
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1883	28,7	6,2	24,9	27,8	28,4	37,5	34,8	37,9	31,4	28,7	32,6
1884	31,1	6,3	38,4	23,9	38,0	49,0	54,3	38,4	48,0	17,0	20,9
1885	25,9	0,8	32,5	26,2	31,4	42,6	30,9	32,2	44,2	16,8	25,0
1886	28,9	1,7	41,7	28,0	37,7	57,2	42,9	47,1	55,2	25,9	29,4
1887	32,9	6,3	30,1	30,9	33,1	43,5	24,6	38,9	43,7	28,8	30,0
1888	31,4	6,3	30,7	24,8	31,1	48,2	22,8	35,1	37,9	21,4	22,8
1889	23,6	3,7	27,7	27,4	28,3	41,2	23,5	32,1	34,8	23,9	23,6
1890	28,1	6,2	21,9	25,9	16,6	27,6	24,2	31,2	29,1	24,8	29,9
1891	22,0	4,3	11,1	30,8	31,2	19,7	12,5	17,3	16,7	24,0	28,6
1892	26,7	4,5	20,8	28,3	21,8	25,4	19,2	28,6	63,6	24,5	29,7
1893	36,3	3,4	37,8	28,0	24,3	37,8	27,4	30,4	46,5	23,6	28,3
1894	35,6	11,0	38,3	28,4	25,4	44,0	47,4	50,1	39,4	20,9	25,6
1895	32,1	6,4	35,9	23,4	29,2	43,3	35,3	34,7	34,2	23,3	24,3
1896	32,5	12,5	34,3	30,2	29,7	47,9	55,4	57,0	47,1	24,2	28,7
1897	27,0	4,1	30,0	30,5	21,2	27,5	31,6	31,0	30,2	23,7	29,2
1898	30,3	11,0	10,9	26,8	19,8	29,8	14,4	25,4	15,2	26,0	31,8
1899	34,1	8,1	52,4	27,6	33,2	54,4	42,1	52,0	58,5	22,1	29,0
1900	32,7	10,5	40,1	22,9	32,2	49,2	54,5	48,7	43,2	21,5	21,2
1901	27,9	4,5	22,4	24,7	22,2	28,6	21,2	27,1	22,3	21,7	23,6
1902	37,0	7,0	30,7	26,9	29,1	44,4	42,5	39,0	41,0	17,5	25,4
1903	33,8	8,1	33,9	22,5	19,3	36,8	42,7	40,2	37,6	20,0	24,4
1904	38,6	11,2	49,3	27,5	35,1	59,7	65,5	55,5	59,9	20,3	27,8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1905	30,5	8,1	29,1	24,3	23,9	18,3	32,0	21,0	26,0	19,4	24,5
1906	25,4	4,1	8,4	16,4	13,2	15,3	10,4	16,3	10,3	17,5	19,4
1907	29,1	11,0	29,3	20,0	27,5	42,0	31,2	31,7	38,1	16,0	20,9
1908	29,3	9,0	34,0	23,1	25,5	38,5	34,2	26,5	31,9	14,7	20,7
1909	36,2	7,7	45,4	21,3	25,5	49,8	68,4	53,6	50,9	14,0	17,3
1910	35,5	5,5	27,3	24,1	21,6	45,3	53,0	40,7	35,4	17,3	22,1
1911	27,9	3,4	14,4	23,2	17,4	25,8	12,9	15,8	14,6	18,4	23,2
1912	35,3	6,1	38,4	25,6	31,6	54,0	50,0	34,3	38,1	19,6	23,3
1913	38,4	20,3	37,7	24,8	26,7	42,5	69,2	50,6	42,7	19,1	20,6
Средние пятилетние значения											
1884–1888	30,0	4,3	34,7	26,8	34,3	48,1	35,1	38,3	45,8	22,0	25,6
1889–1893	27,4	4,4	23,9	28,1	24,5	30,3	21,3	27,9	38,1	24,1	28,0
1894–1898	31,5	9,0	29,9	27,8	25,0	38,5	36,8	39,6	33,2	23,6	27,9
1899–1903	33,1	7,6	35,9	24,9	27,2	42,7	40,6	41,4	40,5	20,6	24,7
1904–1908	30,6	8,7	30,0	22,3	25,0	34,8	34,7	30,2	33,3	17,6	22,7
1909–1913	34,6	8,6	32,6	23,8	24,6	43,5	50,7	39,0	36,4	17,7	21,3
Средние десятилетние значения											
1884–1893	28,7	4,4	29,3	27,4	29,4	39,2	28,2	33,1	42,0	23,1	26,8
1894–1903	32,3	8,3	32,9	26,4	26,1	40,6	38,7	40,5	36,9	22,1	26,3
1904–1913	32,6	8,6	31,3	23,0	24,8	39,1	42,7	34,6	34,8	17,6	22,0

Работать только с годовыми цифрами не всегда удобно, поскольку в них отразились резкие колебания урожайности. Для выяснения общей динамики иногда целесообразно усреднить их по пятилетиям или десятилетиям. Отбросив первый год наблюдений, получаем шесть пятилетних отрезков или три десятилетних.

При анализе динамики важно понимать, как уровень душевого производства в каждой данной губернии соотносился со средним по Европейской России; это соотношение представлено в табл. 2.

Таблица 2

Отношение душевого производства зерновых и картофеля в губерниях Поволжья к среднероссийскому уровню по периодам (в процентах)

Годы	50 губерний	Астраханская	Казанская	Костромская	Нижегородская	Пензенская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Тверская	Ярославская
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Средние пятилетние значения											
1884–1888	100,0	14,3	115,5	89,1	114,1	160,2	116,9	127,7	152,5	73,2	85,3

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1889–1893	100,0	16,2	87,2	102,6	89,4	110,9	78,0	102,1	139,4	88,2	102,5
1894–1898	100,0	28,5	94,9	88,4	79,5	122,3	116,9	125,8	105,4	75,0	88,6
1899–1903	100,0	23,1	108,5	75,3	82,2	128,9	122,7	125,1	122,4	62,1	74,7
1904–1908	100,0	28,3	98,1	72,8	81,9	113,6	113,3	98,7	108,8	57,5	74,1
1909–1913	100,0	24,8	94,2	68,7	71,0	125,5	146,4	112,6	105,0	51,1	61,5
Средние десятилетние значения											
1884–1893	100,0	15,2	102,0	95,6	102,3	136,7	98,4	115,5	146,3	80,4	93,5
1894–1903	100,0	25,7	101,9	81,7	80,9	125,7	119,8	125,4	114,1	68,4	81,5
1904–1913	100,0	26,5	96,0	70,6	76,1	119,9	130,9	106,1	106,7	54,1	67,4

В табл. 3 представлена динамика душевого производства картофеля отдельно от зерновых (по десятилетиям), что важно для общей оценки веса этой культуры в полевом хозяйстве губерний.

Таблица 3

Производство картофеля (1:1) на душу населения в губерниях Поволжья, средние десятилетние значения (в пудах)

Годы	Астраханская	Казанская	Костромская	Нижегородская	Пензенская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Тверская	Ярославская
1884–1893	0,4	1,2	5,8	5,0	7,2	1,6	3,2	3,6	5,5	11,7
1894–1903	1,3	2,5	10,8	8,3	11,8	3,7	5,2	6,2	9,5	18,4
1904–1913	1,2	2,9	11,0	10,0	18,2	3,5	4,5	8,1	9,4	19,0

Обсуждение

Среднероссийский (по 50 губерниям) уровень душевого производства хлебов и картофеля демонстрирует в целом повышающийся тренд. В пятилетних средних значениях заметны проседания во втором и пятом периодах под влиянием крупных неурожаев 1891 и 1905/1906 гг., однако уровень последнего пятилетия превышает уровень первого на 15,3 %.

Беглый взгляд на губернские цифры прежде всего подтверждает очевидный факт, что Приволжские губернии имели разный уровень и динамику душевого производства, поскольку относились к различным природно-географическим и экономическим типам. Различие природно-географических условий отразилось на амплитуде годовых колебаний. В нечерноземных губерниях Верхней Волги (Костромская, Тверская, Ярославская) с относительно стабильной урожайностью разница между максимальными и минимальными годовыми значениями достигает 2 раз, тогда как в Нижегородской – уже 2,9 раза, а в подверженных засухам регионах Средней и Нижней Волги и

степях Заволжья амплитуда еще шире – от 3,6 в Саратовской до 6,6 в Самарской и даже 25,5 раза в Астраханской. Говоря о тенденциях и трендах на тридцатилетней дистанции, важно иметь в виду, что они пробивали себе дорогу сквозь гигантские ежегодные скачки.

Основным типологическим признаком выступает разделение губерний на хлебопроизводящие (нетто-экспортеры) и хлебопотребляющие (нетто-импортеры). К первым относились черноземные или преимущественно черноземные Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Симбирская губернии; ко вторым – преимущественно нечерноземные Костромская, Нижегородская, Тверская и Ярославская губернии, а также черноземно-степная животноводческая Астраханская. Рассмотрим динамику душевого производства по губерниям с учетом этого критерия. Поскольку воспроизведение диаграмм потребовало бы слишком много места, ограничимся кратким тестовым описанием наблюдаемых тенденций (заинтересованные читатели могут самостоятельно построить их по табл. 1).

Костромская, Тверская и Ярославская губернии демонстрируют сходную динамику: стабильность до середины 1890-х гг., затем тенденция к снижению, но в последнее пятилетие намечается некоторый подъем (отскок). Уровень производства вначале колеблется близ среднероссийского, а с середины 1890-х гг. стабильно уходит ниже среднероссийского. В последнем пятилетии уровень производства этих губерний составлял лишь 51,1 % (Тверская) – 68,7 % (Костромская) от среднего. Нижегородская губерния демонстрирует сокращение до начала 1890-х гг., которое затем переходит в стабильность или слабый понижающийся тренд, идущий ниже среднероссийского уровня (71 % от среднего в последнем пятилетии). Астраханская губерния, единственная из потребляющих, показывает рост, но лишь до середины 1890-х гг., затем почти стабильность; ее уровень едва достигает трети среднероссийского.

Для хлебопотребляющих губерний естественно иметь уровень душевого производства хлебов ниже среднего. Сокращение душевого производства в них также не является признаком сокращения потребления и упадка хозяйства, свидетельствуя скорее о промыслово-промышленной специализации населения в соединении с диверсификацией сельского хозяйства, в котором акцент переносится с зернового хозяйства на животноводство, неполевое земледелие, выращивание незерновых культур. Наблюдаемые тенденции полностью укладываются в эту логику. В таком случае для производящих губерний естественно было бы ожидать роста по данному показателю.

Действительно быстрорастущей была Самарская губерния, но следует уточнить, что ее рост стартовал со второй половины 1890-х гг., до этого ее динамику можно охарактеризовать скорее как некоторое снижение, провал 1891 г. и восстановление. В последнем периоде ее уровень составил уже 146,4 % среднероссийского, несмотря на то что в этой губернии рост населения был самым быстрым. Самарской губернии, несомненно, было присуще прогрессивное развитие зернового хозяйства с углублением его товарной ориентации. Этот факт и ранее отмечался в историографии, сближавшей ее с регионами степного юга Российской империи. Здесь на рубеже веков при относительной недонаселенности и наличии свободных плодородных земель были открыты пути одновременно как для экстенсивного (за счет расширения

посевных площадей), так и для интенсивного (за счет применения машин, сортовых семян и других видов капитала) типа развития зернового производства. При освоении новых земель с целью аграрного предпринимательства здесь также имелось объективно больше возможностей для оптимизации размеров хозяйства.

Ситуация в остальных губерниях не столь однозначна. Линейный тренд Пензенской губернии, построенный по годовым значениям, демонстрирует почти стабильность с едва заметной тенденцией к снижению; аналогичный результат виден на средних десятилетних значениях. Средние пятилетние значения показывают провалы во втором и пятом периодах и восстановительный рост после них. Средний уровень Пензенской губернии оставался стабильно выше среднероссийского, но надо заметить, что это положение поддерживалось главным образом за счет быстрого роста производства картофеля (см. табл. 3). Высокая доля картофеля в структуре урожаев резко отличает эту губернию от других хлебопроизводящих Поволжского региона.

Тренд, построенный по годовым значениям Саратовской губернии, также демонстрирует стабильность (при этом линейный тренд почти не отличается от полиномиальной 3 порядка), но за этой мнимой стабильностью скрывается внутренняя динамика, особенно заметная на средних десятилетних значениях: подъем от первого десятилетия ко второму, затем спад от второго к третьему. В средних пятилетних значениях можно отметить также подъем в последнем периоде – отскок после провала в пятом периоде. В неблагоприятные второе и пятое пятилетия уровень Саратовской губернии опускался до среднероссийского, в остальные периоды был выше.

Казанская губерния при сильнейших колебаниях по годам имеет также почти нулевой тренд, но в отличие от Пензенской и Саратовской ее абсолютные значения колеблются возле среднероссийского уровня, а в последнее десятилетие уходят под него.

Симбирская губерния демонстрирует общую тенденцию к снижению. Движение средних пятилетних значений позволяет уточнить, что четвертое пятилетие, как и у большинства других губерний, в ней ознаменовалось ростом, однако за ним последовали новое сокращение в следующем пятилетии и лишь незначительное повышение в последнем периоде. Если в первом пятилетии уровень Симбирской губернии составлял 152,5 % среднероссийского, то в шестом – лишь 105 %. Стоит отметить, что по этому показателю все губернии, кроме Самарской и Астраханской, ухудшили свои позиции: соотношение их уровней со среднероссийским в начальном периоде было более благоприятным, чем в завершающем (см. табл. 2).

Выводы

Таким образом, за среднероссийским повышательным трендом душевого производства хлебов и картофеля стояли различные тенденции в разных губерниях. В рамках Поволжья можно выделить три траектории: траектория роста (Астраханская, Самарская губернии), траектория спада (Костромская, Нижегородская, Симбирская, Тверская, Ярославская), траектория волновых колебаний (Казанская, Пензенская, Саратовская).

Траектории хлебопотребляющих губерний закономерны. Отсутствие же ясно выраженных тенденций роста душевого производства хлебов и кар-

тофеля в большинстве производящих губерний Поволжья в сочетании с тенденцией ухудшения соотношений их уровней со среднероссийским вызывает вопросы. Прежде всего, увеличивалась или сокращалась товарность этих губерний? Если вывоз зерновых из губерний за данное тридцатилетие имел тенденцию к увеличению, это должно означать или общее сокращение внутреннего потребления, или усиление дифференциации производителей, при котором рост производительности и товарности одних хозяйств сопровождается падением производительности и натурализацией других. Во втором случае актуален вопрос, происходила ли (и насколько активно) в черноземном Поволжье диверсификация сельского хозяйства и переориентация крестьян на иные источники дохода или речь идет о нарастании аграрного перенаселения в чистом виде. Эти вопросы требуют дальнейшего исследования с привлечением других источников.

Библиографический список

1. **Прегер, Р. И.** Производство главнейших хлебов в России за двадцатипятилетие 1888–1912 гг. / Р. И. Прегер. – Петроград : ГУЗ и З, 1915. – 98 с.
2. **Обухов, В. М.** Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. / В. М. Обухов // Влияние неурожая на народное хозяйство России : в 2 ч. / под общ. ред. В. Г. Громана. – Москва : РАНИОН, 1927. – Ч. 1. – С. 1–159.
3. **Вайнштейн, А. Л.** Эволюция урожаев зерновых хлебов в России до революции и перспективы ее развития / А. Л. Вайнштейн // Избранные труды : в 2 кн. / А. Л. Вайнштейн. – Москва : Наука, 2000. – Кн. 1. – С. 275–330.
4. **Яцунский, В. К.** Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны / В. К. Яцунский // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России : сб. ст. / ред.: Л. М. Иванов, М. В. Нечкина, В. К. Яцунский. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 113–148.
5. **Нифонтов, А. С.** Зерновое производство России во второй половине XIX века / А. С. Нифонтов. – Москва : Наука, 1974. – 317 с.
6. **Грегори, П.** Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / П. Грегори. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 256 с.
7. **Давыдов, М. А.** Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина / М. А. Давыдов. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Алетей, 2016. – 1080 с.
8. **Островский, А. В.** Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. / А. В. Островский. – Санкт-Петербург : Полторак, 2013. – 416 с.
9. **Роднов, М. И.** Конкуренция регионов и «оскудение» центра России на рубеже XIX–XX вв. / М. И. Роднов // Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. XXXIII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщ. – Москва, 2012. – С. 77–79.
10. **Нефедов, С. А.** Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах / С. А. Нефедов. – Москва : Дело, 2017. – 432 с.
11. **Иванцов, Д. Н.** К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных / Д. Н. Иванцов. – Петроград : Типография Киришбаума, 1915. – 180 с.
12. Урожай 1895 года / Статистика Российской империи. – Санкт-Петербург, 1896. – Т. XXXV, ч. 2.
13. **Сифман, Р. И.** Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. / Р. И. Сифман // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. – Москва : Наука, 1977. – С. 62–82.

14. Кабузан, В. М. О достоверности учета населения России (1858–1917) / В. М. Кабузан // Источниковедение отечественной истории. 1981. – Москва : Наука, 1982. – С. 100–117.
15. Зайцев, В. К вопросу о численности населения Европейской России / В. Зайцев // Влияние неурожаев на народное хозяйство России : в 2 ч. / под общ. ред. В. Г. Гро-мана. – Москва : РАНИОН, 1927. – Ч. 2. – С. 60–93.

References

1. Preger R. I. *Proizvodstvo glavneyshikh khlebov v Rossii za dvadtsatipyatiletie 1888–1912 gg.* [Pivotal grains production in Russia for two decades 1888–1912]. Petrograd: GUZ i Z, 1915, 98 p. [In Russian]
2. Obukhov V. M. *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii: v 2 ch.* [The impact of poor harvests on the national economy of Russia: in 2 parts]. Moscow: RANION, 1927, part 1, pp. 1–159. [In Russian]
3. Vaynshteyn A. L. *Izbrannye trudy: v 2 kn.* [Selected works: in 2 books]. Moscow: Nauka, 2000, bk. 1, pp. 275–330. [In Russian]
4. Yatsunskiy V. K. *Voprosy istorii sel'skogo khozyaystva, krest'yanstva i revolyutsionno-go dvizheniya v Rossii: sb. st.* [Historical issues of agriculture, peasantry and revolutionary movement in Russia: collected articles]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, pp. 113–148. [In Russian]
5. Nifontov A. S. *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Grain crops farming in Russian in the second half of the 19th century]. Moscow: Nauka, 1974, 317 p. [In Russian]
6. Gregori P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Noveye podschety i otsenki* [Economic growth of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN, 2003, 256 p. [In Russian]
7. Davydov M. A. *Dvadsat' let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stoly-pina* [Twenty years before the Great War: the Russian modernization by Vitte and Stoly-pin]. 2nd ed., rev. and suppl. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2016, 1080 p. [In Russian]
8. Ostrovskiy A. V. *Zernovoe proizvodstvo Evropeyskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Grain production of European Russian in late 19th – early 20th centuries]. Saint-Petersburg: Poltorak, 2013, 416 p. [In Russian]
9. Rodnov M. I. *Tipologiya i osobennosti agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI vv. XXXIII sessiya simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy: tez. dokl. i soobshch.* [Typology and features of the agricultural development of Russia and Eastern Europe in the 10th – 21st centuries. The 33rd session of the symposium of the agricultural history of Eastern Europe: proceedings]. Moscow, 2012, pp. 77–79. [In Russian]
10. Nefedov S. A. *Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh* [The standard of life of the population and the agricultural development of Russia in the 1900s–1940s]. Moscow: Delo, 2017, 432 p. [In Russian]
11. Ivantsov D. N. *K kritike russkoy urozhaynoy statistiki. Opyt analiza nekotorykh ofitsial'nykh i zemskikh tekushchikh dannykh* [To the criticism of the Russian harvest policy. The experience of analyzing some official and provincial current data]. Petrograd: Tipografiya Kirshbauma, 1915, 180 p. [In Russian]
12. *Urozhay 1895 goda* [The harvest of 1895]. Statistika Rossiyskoy imperii. Saint-Petersburg, 1896, vol. XXXV, part 2. [In Russian]
13. Sifman R. I. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR: sb. st.* [Marriage, birth and death rate in Russian and the USSR]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 62–82. [In Russian]
14. Kabuzan V. M. *Istchnikovedenie otechestvennoy istorii. 1981* [Source studies in the Russia history. 1981]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 100–117. [In Russian]

15. Zaytsev V. *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii: v 2 ch.* [The impact of poor harvest on the national economy of Russia: in 2 parts]. Moscow: RANION, 1927, part 2, pp. 60–93. [In Russian]
-

Кузнецов Игорь Анатольевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательская лаборатория
экономической и социальной истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Россия, г. Москва, проспект
Вернадского, 82)

E-mail: repytwjd68@mail.ru

Kuznetsov Igor' Anatol'evich

Candidate of historical sciences, senior
researcher, research Laboratory for
economic and social history, Institute
of Social Sciences, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration (82 Vernadskogo avenue,
Moscow, Russia)

Образец цитирования:

Кузнецов, И. А. Динамика душевого производства зерновых и картофеля в губерниях Поволжья в 1883–1913 гг.: источники и проблемы изучения / И. А. Кузнецов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 22–34. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-3.